

ДИСКУССИИ О ОБСУЖДЕНИЯ

ЗЫЦАРЬ Ю. В.

О ЕДИНСТВЕ СОЗНАНИЯ И РАЗЛИЧИЯХ ЯЗЫКОВ

Известна точка зрения, согласно которой каждый язык как бы «формирует», «лепит» соответствующее сознание, и, следовательно, сколько на земле языков, столько же существует и сознаний [1—3]. Такую концепцию выдвигает, например, И. Вайсгербер, по мнению которого язык образует как бы «промежуточный мир» между человеком и его сознанием (или его сознанием и денотацией) [1—4]. Подобным же образом Г. Хольц утверждает, что, задавая человеку определенный способ познания, картину, или модель мира (и таким образом делая человека тем, кем он в действительности является), язык формирует и самого человека [1—3, ср. 5]. К аналогичному результату сводятся в конечном счете попытки решения данной проблемы, предпринимаемые в русле целого ряда направлений современной западноевропейской и американской лингвистики и философии, включая американское неогумбольдтианство (гипотеза Сэпира — Уорфа), которое пользуется наибольшей известностью. То же решение мыслилось и Ф. де Соссюру, поскольку он видел в сознании (resp. в денотации) некую «бесформенную массу», которую каждому языку дано сегментировать и одновременно группировать, категоризировать в каждом случае *à la sienne*. Уже у Ф. де Соссюра (что будет важно для нас в дальнейшем) такое решение является прямым следствием его понимания природы языкового знака, т. е. вытекает из его постулата о билатеральности языкового знака и полной произвольности значимой стороны последнего.

Прямо противоположная позиция по этому вопросу состоит в том, что хотя язык не пассивен, а активен по отношению к сознанию, но эта активность не столь велика (и не такого рода), чтобы язык мог «организовывать» сознание, определять его тип, структуру, «лепить» в нем свою модель мира. Как физически един самый человеческий род, так, согласно этой концепции, едино и сознание всех людей, а различные языки мира могут рассматриваться лишь как варианты единого языка человеческого рода [6]. На фоне отсутствия общей теории языка и мышления указанные направления западноевропейской лингвистики и философии и соответствующие американские течения абсолютизируют, согласно этому же подходу, самостоятельность языка, или, как это удачно определяет В. З. Панфилов, языковую апперцепцию, почему они и приходят к крайним выводам о языке как об особом «промежуточном мире» и т. п. В действительности нет оснований считать, как это делает Э. Леннеберг, что «слова тиранически господствуют над сознанием» [6, с. 34].

Для того, кто придерживается такой «унитарной», или объединительной, концепции языка (и его отношения к сознанию), вопрос об отношении языковой единицы к денотации, естественно, решается, как правило, в смысле, прямо противоположном соссюрианскому, т. е. в том смысле, что значение указанной единицы полностью и жестко детерминировано денотацией и ни в какой мере не является произвольным.

Сторонники указанной концепции в первую очередь опираются на факты сходства между языками, расценивая факты их различий, в частности, связанные с концептуальностью (ср. широко известный пример: русск. *нога* при англ. *foot* и *leg*, русск. *рука* при англ. *hand* и *arm* и т. п.), как несущественные или недостаточные для того, чтобы видеть за ними нечто большее, чем варианты одного человеческого языка, не говоря уже о со-

знании. Наоборот, сторонники множественных, «плюральных» теорий «языков-сознаний» подчеркивают в первую очередь факты различий между языками, в особенности связанные с концептуальностью, считая их весьма существенными. Какие-либо эмпирические критерии сущности или несущности сходств и различий языков в этом смысле ни с той, ни с другой стороны, насколько нам известно, вплоть до настоящего времени не выдвигались, и на этом наиболее прямом (в эмпирическом смысле) пути к решению проблемы мы не имеем, следовательно, ничего, кроме двух взаимоисключающих гипотез (или концепций).

В. З. Панфилов в указанной книге не ограничивается, однако, обычным указанием на «несущность» языковых различий. Возражая против того, что язык целиком «лепит», «формует» сознание и что, следовательно, сознаний столько же, сколько и языков, он отмечает а) что сознание, как и содержательная сторона речи, не сводится к сумме значений языковых единиц, репрезентирующих сознание и используемых в речи, что сознание гораздо богаче набора этих единиц, в частности — за счет знаний, почерпнутых из работы с предметами (я бы сказал, из опыта «рук и глаз»), а ведь если это так, то сознание со всем его богатством не может и формироваться, «лепиться» языком — во всяком случае, во всем его объеме; б) что о снятии или «предупреждении» давления языка (языковой апперцепции) говорят не только факты единства самих языков, но и особые возможности акта коммуникации с его речевым и ситуационным контекстами, с огромными возможностями комбинирования языковых единиц (ср. указание Э. Бенвениста на то, что в речи используется вообще лишь незначительная часть всех возможных комбинаций языковых единиц), а главное — с соединенным действием всех этих факторов; в) в плане преодоления давления языка имеет значение также вся практическая действительность человека, поскольку в ней не только отбираются те элементы денотации, которые получают отражение в сознании и в языке, но она и вообще является окончательным, высшим контролером для сознания и языка.

Эти три пункта, как нам представляется, действительно имеют ключевое значение для решения проблемы. Вместе с тем это решение в них, очевидно, лишь намечается или только подготавливается: чисто предварительный характер обсуждения вопроса в данном случае очевиден и из замечания В. З. Панфилова об отсутствии соответствующей теоретической базы (общей теории) языка и мышления¹.

Не отрицая, например, роли практики для сознания людей, можно, вообще говоря, спросить, едина ли у разноязычных людей их практика или же у них существуют разные «практики» (что опять ставит нас перед лицом той же контрверзы). Едина ли, далее, у разноязычных людей та «часть» их сознания, которая не является набором или суммой значений языковых единиц, репрезентирующих сознание и используемых в речи²? Если этот второй компонент сознания разноязычных людей достаточно един, как мы попытаемся это показать, то достаточно ли он велик, чтобы, преодолевая различия языков, как-то существенно влиять, определяя единство их сознания? Если сознание разноязычных людей едино, то что является главным в обеспечении его единства: второй компонент, преодолевающий различия языков, или же единый общий стержень самих языков? Какова роль в сравнении с этим тех особых возможностей акта коммуникации, которые подчеркивает в этой связи В. З. Панфилов? Как эти факторы сочетаются друг с другом, в составе какого целого? Каким образом и на каком этапе претворения языка в речь реализуется единство, наступает, так сказать, полная гармония этих факторов и/или компонентов? Далее, если сознание разноязычных людей действительно едино, то означает ли это единство языков? В какой степени при единстве сознания могут

¹ Следует одновременно отметить, что в советской лингвистике эта база, бесспорно, наиболее разработана, и как раз трудам В. З. Панфилова мы особенно обязаны в этом смысле.

² Далее в рабочем порядке и, разумеется, чисто условно мы будем называть эту «часть» вторым компонентом сознания.

считаться едиными языки? Можем ли мы при наличии действительно единого сознания разноязычных людей говорить об их языках как о действительных разновидностях одного и того же языка человеческого рода?

Если в обеспечении единства сознания разноязычных людей главным является его второй компонент, достаточно мощный, чтобы на его фоне сознание людей, говорящих на одном языке, не было «заслонено» от сознания людей, говорящих на другом языке, то это означало бы, во всяком случае, гораздо большее единство сознания, чем единство языков. И это означало бы одновременно, что люди (имея в виду людей как разно-, так и одноязычных) понимают друг друга прежде всего благодаря второму компоненту их сознания, а уж потом благодаря их языку, играющему здесь скорее роль, так сказать, «телеграфа намеков» или, пользуясь известным сравнением, «верхушки айсберга». Не противореча известному положению о вербальности мышления и важности языка в мышлении, это означало бы, наконец, и подчиненность языка по отношению ко второму компоненту мышления — подобно тому, как инструмент или форма подчинены содержанию. Единство формы и содержания, языка как части сознания и запаса наглядно-опытных знаний предстало бы в этом случае как единство двух комплексов сознания. Но это означало бы такую структуру последнего, раскрытие природы которой весьма затруднительно, притом не только спекулятивно, но и в терминах топологии мозга.

В предварительном порядке обратим внимание на то, что в поисках (или в порядке доказательства, утверждения) единства языков нам, как мы видели, приходится апеллировать, с одной стороны, ко второму компоненту сознания, с другой — к сфере коммуникации, речи, с третьей — ко всей практической деятельности человека, т. е., так сказать, «к чему угодно», кроме самих языков, а это уже само по себе больше указывает как раз на единство сознания, чем на единство языков. Апелляция ко второму компоненту сознания вместе с актом коммуникации говорит также о том, что каким-то образом единство сознания (и снятие языковых различий) должно практически достигаться именно в коммуникации, через коммуникацию, но вместе с тем на основе второго компонента, и что здесь-то и заключается самая суть этого единства. Каким же именно образом достигается, однако, это единство?

В настоящей работы мы попытаемся в очень общей и краткой форме ответить на некоторые из этих вопросов. При этом мы при необходимости будем также касаться проблемы контекста, которая, несмотря на большие усилия и успехи таких исследователей, как К. Бюлер, А. Гардинер, Э. Косериу, до сих пор окончательно не решена.

Значимую сторону языковой единицы, включая как ее значимость («работающую» на фактор системности), так и значение (результат отражения денотации), В. З. Панфилов предлагает называть десигнатом. Разделяя это предложение, мы, однако, в дальнейшем будем здесь пользоваться термином десигнат, понимая под ним то в семантике языковых единиц, что непосредственно обращено к денотации.

Как уже говорилось, по вопросу об отношении десигната к денотации — коренному философскому вопросу лингвистики — Ф. де Соссюр и ряд его последователей исходят из постулата о полной немотивированности, произвольности десигната, почему они и приходят к теории языка — «скульптора» сознания, теории, наиболее известной в варианте «гипотезы Сэпира — Уорфа». В чисто философских терминах десигнат, с этой точки зрения, представляет собой чистый знак, а не отражающий (и одновременно выделительно-обобщающий) образ денотации.

Не говоря уже, однако, о той известной аргументации, согласно которой отражение денотации по самой своей гносеологической природе не может не состоять из образов денотации, ошибочность указанного постулата может быть, как нам кажется, доказана или показана и лингвистически. При этом мы менее всего имеем в виду такие доводы, как обязательное наличие в самых различных языках таких семантических

единиц типа «вода», «огонь», «солнце», «рука», «женщина» и т. п.³, или, допустим, считающуюся обязательной универсальность выражения субъектно-объектных отношений. Главный лингвистический довод, который можно выдвинуть против постулата о совершенной произвольности десигната, состоит в том, что если бы десигнат был полностью (или хотя бы даже преимущественно) произволен по отношению к денотации, то в любых десигнатах любого языка было бы возможно объединение друг с другом любых значений, например, «корова» — волк, шкаф — солнце» или «лес — море — пашня — спички» и т. д. Более того, такое «блокирование» значений при указанном условии (полной произвольности десигната) было бы не только возможным, но и обычным, регулярным, и вот тогда-то мы бы, действительно, столкнулись в наборах десигнатов с большими различиями и даже не обнаружили бы в них ничего (почти ничего), кроме различий⁴.

Приведенным только что доводом опровергается, на мой взгляд, и тот вариант анализируемой (восходящей к Ф. де Соссюру) концепции языков, согласно которому различия последних (рассматриваемые как принципиальные и определяющие для сознания) не выводятся — по крайней мере прямо и явно — из постулата о полной произвольности языкового значения, а признаются следствием денотативных различий в условиях обитания и практики соответствующих человеческих коллективов. Для этого варианта указанный аргумент сохраняет, как кажется, свою силу потому, что если бы денотативно определяемые различия языков действительно влияли на сознание (т. е. были бы релевантны или достаточно велики, чтобы формировать различные «сознания»), то в этом случае соответствующие наборы десигнатов были бы, очевидно, столь же несовместимы разными, как и в случае полной произвольности десигната.

При всей естественной разнице лингвогеографических ареалов можно считать, как кажется, что в действительности на Земле существует один и тот же з е м н о й м и р, в котором вещи предстают для одних и тех же «людей Земли» с достаточно одинаковой объективной дискретностью и одинаковыми сходством — различием: дерево везде похоже на другое дерево, а не на одну из коров и не на солнце и т. д., что не может не отражаться и в сознании разноязычных людей и (хотя бы и в иной степени) в их языках. Не менее существенно здесь то, что при всех различиях в жизненной практике разноязычных коллективов «людей Земли» в этой практике имеется и важнейший общий «стержень» и, кроме того, дети (составляющие значительную часть всех человеческих коллективов Земли) как раз в период формирования в человеке всего наиболее существенного для сознания обязательно проходят примерно через одну и ту же практику — практику овладения многими одинаковыми в самых разных широтах свойствами основных окружающих предметов. На один из поставленных нами выше вопросов (едина ли у разноязычных людей их практика или же у них имеются разные «практики») намечается, таким образом, следующий ответ: при всех различиях их практики в ней имеется достаточно мощная единая или общая часть, способная в условиях единого земного мира обеспечить принципиальное единство их сознания. Все это, разумеется, не значит, что должны быть сброшены со счета различия в условиях жизни и в практике человеческих коллективов со всем вытекающим отсюда, в частности, для различия языков.

Итак, десигнат по отношению к денотации далеко не произволен, он детерминирован, как детерминированы и наборы десигнатов. Однако, спра-

³ На этот эмпирический довод обычно приводится следующее возражение: при сопоставлении набора десигнатов таких языков, как абибон и французский, в целом обычно обнаруживается гораздо больше различий, нежели общностей.

⁴ Если в каком-то одном языке значение «лес», например, ассоциируется со значением «гора, горы», а в другом — также с этим значением плюс значение «безлюдье, необитаемые места, дебри», в третьем же предстает без этих ассоциаций, просто как «лес» в отличие от «поле» и от «гора», то из этого может сложиться впечатление, что между тремя языками нет в данных их десигнатах ничего, кроме различий. Однако не менее важен тот факт, что в данных трех языках значение «лес» одинаково не ассоциируется с тысячами других значений, таких, как «солнце», «рука», «мужчина», и т. п., что не может не указывать на отсутствие полной произвольности десигната.

пивается, полная ли детерминация имеет здесь место? Если бы десигнат был полнотью, жестко детерминирован денотацией и, следовательно, были бы детерминированы в целом и наборы десигнатов, то, на наш взгляд, между лексико-семантическими наборами разных языков не было бы никакой существенной разницы, т. е. языки различались бы между собой в наборах фонооболочек, отчасти — в морфологии, в синтаксисе, а их лексико-семантические различия сводились бы только к наличию/отсутствию десигнатов, отражающих так называемые реалии (типа *пельмени*, *самовар*).

В самом деле, жесткая и полная детерминация десигнатов со стороны денотации, очевидно, вообще исключает какое-либо самостоятельное участие стоящего за языком человеческого мышления или сознания (как индивидуального, так и коллективного) в образовании десигнатов. При такой детерминации какая-либо органическая часть целого определяется всем этим целым (т. е. свойство вещи — самой данной вещью); с другой стороны, речь могла бы идти о чем-то вроде научной таксономизации денотатов по их глубинным свойствам и связям, т. к. только определяемые самой органикой предмета (как часть целым) или же сгруппированные по единой научной классификации денотаты могут, очевидно, получать одинаковое, в принципе унифицированное отражение в любом наборе десигнатов.

Полная детерминированность десигната со стороны денотации исключала бы всякую эволюцию языковых значений, всякое «переабстрагирование» денотации, кроме продиктованного эволюцией самой денотации. Между тем не обусловленные сдвигами в самой денотации «переабстрагирование» и эволюция значений не только существуют в языках, но и являются отражением главных путей совершенствования человеческих знаний о денотации, путей все большего проникновения в денотацию.

Поскольку невозможно отрицать, что наборы десигнатов разных языков существенно различны, мы должны признать, что десигнат в какой-то степени является все же произвольным по отношению к денотации и что что-то произвольное, знаковое, семиотическое имеется в любом наборе десигнатов, во всем «мире значений» в его отношении к миру вещей.

Как мог заметить читатель, в нашем доказательстве неполной детерминированности десигната главным или одним из главных был тот довод, что десигнат не составляет органической части вещи или ингерентного свойства группы вещей. Органическая принадлежность десигната к денотации исключала бы всякую произвольность их связи. Но спрашивается, почему это так и так ли это? В чем здесь дело: в самой неорганичности десигната или в его отдельности по отношению к вещи (группе вещей)? Как нам представляется, главное состоит в том, что при своей отдельности по отношению к вещи десигнат является, обращаясь к известному определению, не мертвым слепком с вещи, не зеркальным, а абстрагирующим ее отражением⁵. Именно как абстрагирующее отражение денотации десигнат и достаточно детерминирован со стороны последней, так сказать, «вечно-объективен».

Частичная произвольность десигната, определяя лексико-семантические различия между языками (различия в наборах десигнатов), собственно и дает так называемую языковую апперцепцию, т. е. присущий данному языку подход к денотации с вытекающей отсюда определенной самостоятельностью языка по отношению к мышлению. Без допущения же частичной произвольности десигната было бы невозможно объяснить никакую апперцепцию языка, т. е. невозможно было бы понять, чем она в конечном счете обусловлена, — еще один аргумент в пользу частичной произвольности десигната.

Само собой разумеется, что, определяя разрешающую способность «переабстрагирования», элемент произвольности десигнатов в то же время должен быть минимален, т. к. при всей своей неорганичности,

⁵ Ср.: «...понятие более субъективно, поскольку ему всегда присущ „кусочек“ фантазии, связанный с абстрагированием, обобщением» [7].

отдельности от вещи или от вещей десигнат как бы вбирает в себя их суть, глубоко детерминируется их свойствами, их качественной определенностью. В силу этого и хотя «удельный вес» элемента произвольности в десигнате определить даже в каком-либо приближении невозможно, область десигнатов в целом должна быть признана в ее основе несемантической и может быть квалифицирована скорее как «псевдосемантическая» или во всяком случае как нетипично семантическая.

Преимущественная детерминированность десигната, как и «общий стержень» в практике человеческих коллективов (в большой мере определяемый онтогенезом), естественно, исключают возможность таких различий между языками, которые можно было бы рассматривать как принципиальные. Принципиальные или «непроходимые» различия между языками сделали бы невозможным овладение звуковыми языками других коллективов (т. е. иностранными языками) и вынудили бы разноязычных людей общаться между собою, минуя звуковой язык.

Здесь-то мы и имеем, по-видимому, дело с определенным (не выдвигавшимся до сих пор) критерием существенности языковых различий в плане единства/неединства языков мира. Если такой критерий верен, то языки мира в принципе должны быть признаны достаточно едиными, хотя и имеющими значительные различия. Иначе говоря, различия человеческих языков при всей их существенности — не такого рода, чтобы они могли привести общество к дезинтеграции, разъединить его на изолированные части, представители которых не могут понимать друг друга. Возможность взаимопонимания заложена уже в определенной степени близости человеческих языков.

С другой стороны, не менее важно, что неизбежность различий между языками мира, определяемая различиями в жизни и практике их носителей, вытекает уже из природы самого десигната, из его неполной детерминированности денотацией (какой бы минимальной ни была его произвольность), откуда следует, что различия между языками мира не могут не быть значительными (хотя и не принципиальными). Можно также полагать, что, хотя они и не способны привести общество к дезинтеграции, эти различия настолько значительны, что они в определенной степени, видимо, действительно «формируют», «лепят» существенно разные наборы десигнатов (но не разные «сознания», разумеется), особенно в области непредметных значений. Можно допустить, наконец, и то, что эти различия действительно влияли бы на сознание, сильно мешая взаимопониманию разноязычных людей, если бы не корректирующая работа тех трех факторов, на которые указывает В. З. Панфилов: 1) неязыковой или второй компонент сознания, 2) особые возможности акта коммуникации, 3) вся практическая деятельность.

Если оставить в стороне третий из этих факторов, то это означает, что соответствующие различия между языками, как и обуславливающая их частичная произвольность десигната (системы десигнатов), просто снимаются, устраняются в акте коммуникации, причем такое снятие происходит на основе или с участием второго компонента сознания.

Обратимся теперь к так называемому второму компоненту сознания. Теперь мы знаем о нем, что он не только противопоставлен в сознании набору или сумме значений языковых единиц, репрезентирующих сознание и используемых в речи, т. е. собственно языковому компоненту, но и то, что он обеспечивает взаимопонимание и единство сознания людей, снимая в коммуникации языковые различия (элемент произвольности десигната). В. З. Панфилов об этом компоненте сознания говорит, что он гораздо богаче указанной суммы значений языковых единиц, в частности за счет знаний, почерпнутых из работы с предметами, из овладения их свойствами.

О какой же сущности, спрашивается, идет речь? Очевидно, что речь и идет о всем почерпнутом из опыта богатстве знаний о денотации, что и составляет второй компонент сознания. По его существу этот компонент может быть назван запасом наглядно-опытных знаний (ЗНОЗ).

Кроме самого десигната, к примеру, «вода», относящегося к языковому компоненту сознания, человек располагает, например, знанием того, что вода пластична, что она — жидкость и притом жидкость, первостепенно необходимая для питья и вообще для жизни, что в ней можно варить пищу, стирать, плавать, но, плавая, в ней же можно и захлебнуться и т. д. и т. п. — целая буквально неисчерпаемая энциклопедия знаний о воде, включая, между прочим, «резервные» или, так сказать, эвристические «знания» или способности применения воды в ситуациях, которые еще не возникли, но могут возникнуть. Подобным же образом мы знаем, например, что камень обычно тверд, тяжел, может расколоться при ударе о другой камень или металл, но не о дерево, может быть раскошен, имеет определенного вида галечную разновидность, которая по определенным причинам встречается обычно у берега моря, что используется камень в строениях, об их свойствах и отношениях, о пространстве и ориентации в нем и т. д. приходят к людям прежде всего, очевидно, из опыта обращения с предметами, из опыта «рук и глаз» и формируются они, в основном, в детстве, в онтогенезе. Весь действительно неохватный объем этих знаний не может быть таксономизирован (хотя бы даже с приблизительной полнотой) в каком-либо наборе десигнатов. В этом, однако, нет и необходимости, т. к. весьма ограниченный в сравнении с этим объемом любой существующий набор десигнатов в принципе вполне достаточен для описания любого фрагмента ЗНОЗ (т. е. данного объема знания) б л а г о д а р я к о м б и н и р о в а н и ю д е с и г н а т о в в р е ч и.

Разумеется, в человеческом общении или, точнее, в феномене понимания есть и то простое опознавание последовательно предъявляемых десигнатов (прямая идентификация каждого из них с соответствующей единицей хранилища памяти), которое не отличается от такого же опознавания при обмене информацией двух ЭВМ. Есть в этом феномене и выбор или идентификация значения слова по соотношению с речевым или с ситуационным контекстом. Но все эти идентификации у человека возможны лишь благодаря указанному запасу наглядно-опытных знаний. Так, например, глагол *жарить* в предложении *Лихо жарил на баяне* будет идентифицирован в значении «играть» не только потому, что среди значений, покрываемых словом *жарить*, имеется значение «играть» и не только по соотношению с *баян* и *лихо*, но в конечном счете и главным образом потому, что мы из опыта знаем, что на баяне играют, а не жарят (допустим, картошку). Точно так же в примере *Хороший кондитер не будет жарить хворост на газовой плите* слово *хворост* идентифицируется в «пищевом», а не в «лесном» значении в конечном счете потому, что мы знаем, что валежник вообще не жарят и не варят (тем более кондитеры) [8, 9].

На этих примерах, конкретно показывающих, как «работает» ЗНОЗ, мы уже не только теоретически (спекулятивно) убеждаемся в реальности этого компонента сознания, противопоставленного вне коммуникации языку, а в коммуникации — речи и ситуации; но одновременно на конкретных примерах убеждаемся в действительной фундаментальности данного компонента, в частности — в обеспечении им коммуникации, взаимопонимания, единства сознания.

Излишне говорить о том, что ЗНОЗ является мощным фактором эвристического обеспечения понимания в общении. В сознании среди значений, например, глагола *безобразничать* нет значения «играть»; однако предложение *Он безобразничал на баяне* при всей его необычности не оказывается непонятным или, во всяком случае, полностью непонятным, и указанный глагол идентифицируется в значении именно «играть определенным образом», что обеспечивается тем же ЗНОЗ, к которому в данном случае уже более активно апеллирует и понимание. Только на основе ЗНОЗ возможно такое полностью эвристическое общение, которое обходится вообще без всяких элементов вербальности, т. е., например, жестовое, включая такой его вариант, при котором значение жестов заранее не обусловлено между участниками общения.

Возвращаясь к проблеме апперцепции и соотношения сознания и языков, но не затрагивая пока еще общения разноязычных людей, мы можем констатировать, что два одноязычных человека уже до начала общения в очень большой степени свободны от давления языка на их сознание, т. е. наряду с набором апперцептирующих десигнатов языка люди располагаются мощным аппаратом ЗНОЗ. И когда начинается их общение, то этот аппарат позволяет им так соотносить с ситуацией, комбинировать и понимать комбинации десигнатов, что в речевом и ментальном (мыслительном, умственном) результатах общения апперцепция десигнатов снимается: имеет место различного рода коррекция десигнатов. Впрочем, на основе ЗНОЗ преодоление апперцепции и коррекция десигнатов возможны и вне общения.

Если теперь обратиться к разноязычным людям, то очевидно, что ЗНОЗ является тем главным, что делает примерно одинаковым, единым и сознание этих людей, — независимо от различий их языков, вопреки этим различиям; разумеется, что это возможно лишь потому, что ЗНОЗ наравне с языковым компонентом является главным содержанием сознания. Открывая возможность одноязычным людям понимать друг друга, так сказать, «с полуслова», ЗНОЗ, естественно, оказывается и той силой, которая позволяет и разноязычным людям не оказаться в плену своеобразного строения своих десигнатов. ЗНОЗ является тем главным, что обеспечивает взаимопонимание, взаимообщение разноязычных людей, имея в виду преодоление ими апперцепции не только своего, но и чужого (иностранного) языка (обеспечение перевода).

Если на основе ЗНОЗ в лингвистическом плане имеет место идентификация значения по контексту и ситуации, снятие языковых различий или преодоление апперцепции десигната, то в философском плане здесь как раз устраняется тот «кусочек фантазии», тот элемент произвольности, который свойствен десигнату как единице абстрагирования. При этом очень важно, что снятие произвольности, коррекция десигната имеет место именно в коммуникации — этой практике языка и на основе именно ЗНОЗ, порожденного практикой обращения с предметами (в чем так много общего у всех людей независимо от их языков). Это важно потому, что, как известно, именно практика является окончательным критерием истинности отражения для отражающего сознания. И поскольку, согласно нашей концепции, именно практикой снимается тот элемент произвольности, который мы допускали выше для десигната, то мы вправе думать, что как это сделанное выше допущение, так и вся данная концепция теперь находят свое логико-философское завершение или подтверждение.

Признавая глубокие различия в наборах десигнатов разных языков и значительную их апперцепцию, мы вовсе не обязаны вслед за Ф. де Соссюром и вместе с Сэпиром и Уорфом допускать такие же различия в человеческом сознании. Ф. де Соссюр и его последователи, кроме того, что они абсолютизировали момент некоторой произвольности десигната, а с ним и различия между языками, значительно обеднили одновременно содержание сознания, приравнивая его к набору десигнатов, а из этого вывели уже не только непреодолимые различия между языками, непреодолимую их апперцепцию, но и не менее непроходимые (а в действительности несущественные) различия между сознаниями народов, говорящих на различных языках. На самом деле сознание (единое в принципе для всех людей) гораздо богаче любого набора десигнатов, и богаче оно главным образом за счет ЗНОЗ, который корректирует десигнаты в речи и одновременно снимает различия между ними при понимании речи на чужом языке.

Подведем некоторые итоги. 1) Во всех языках мира есть определенный общий «стержень», обеспечиваемый преимущественной произвольностью десигната, без чего разноязычным людям пришлось бы общаться, минуя звуковой язык. 2) Независимо от этого сознание разноязычных людей носит гораздо более единый характер, чем их языки. Основным в обеспечении единства сознания разноязычных людей является ЗНОЗ, или, точнее, то общее, что содержится в ЗНОЗ разноязычных людей. 3) ЗНОЗ не толь-

но составляет главную общность в сознании разноязычных людей, но как основа для анализа контекста и ситуации общения является также тем механизмом (одним из механизмов), с помощью которого достигается взаимопонимание как одноязычных, так и разноязычных людей. В этом смысле ЗНОЗ составляет, так сказать, оперативное практическое единство сознания разноязычных людей, конкретное психологическое воплощение единства их сознания.

Вывод о примате ЗНОЗ в обеспечении единства сознания следует уже из необозримой энциклопедичности того, что представляет собой этот компонент сознания. Спрашивается, на чем основано единство ЗНОЗ у разноязычных людей?

Ответ состоит в том, что десигнаты и системы десигнагов — эти «сильные абстракторы» — имеют иную природу, иной характер, чем наглядно-опытные знания, идущие «от рук и глаз» и не заключающие в себе в силу своей неабстрактности или меньшей абстрактности того «кусочка фантазии», элемента произвольности, который характерен для десигнагов. Но меньшая степень абстрактности и произвольности, меньшая степень «отлета от действительности» влечет за собой большее единство в сознании. Баск. *baso* «лес, гора» и, допустим, русск. *лес/гора* различны, но стоящие за этими разными десигнатами наглядно-опытные знания леса и гор, в основном, едины, и эти-то знания и не дадут повода думать, что под ветром может шуметь и качаться *baso* «гора», а не *baso* «лес» (хотя бы и на горе). Англ. *foot*, *leg* — иные десигнаты, нежели русск. «нога», но наглядно-опытные знания о ноге, ее частях, их обычной работе в разных ситуациях и т. д. у носителей русского и английского языков одни и те же, и это, естественно, тоже имеет свои последствия для коммуникации.

Теория множественности языков-сознаний не имеет всеобщего признания в науке: на позиции единства языков (и сознания) стоял Ж. Вандриес; унитарное решение проблемы в наше время ищет, например, М. Матио [10, ср. 11, с. 310—311], с выводами которого перекликается мнение Ю. Н. Караулова о невозможности перехода от языковой модели мира на более высокий уровень общения — к концептуальной модели мира на основе чисто лингвистических приемов [12]. В свою очередь соссоровская концепция языкового знака в самой западноевропейской лингвистике вовсе не является общепринятой (ср. ее критику — независимо от позиций, с которых она делается, уже в 1939 г. Бенвенистом, затем Балли, Сеше, Фреем, Наэртом и др. [13, ср. 14]). С другой стороны, не только в данной нашей работе, но и вообще в советской литературе последних «лет все настойчивее опровергается мысль о полной произвольности языкового знака» [15, ср. 16]. И такое опровержение все настойчивее опирается, как полагаем, на краеугольное положение марксистско-ленинской философии о понятии (следовательно, и о десигнате) как образе (= обобщающем подобии, абстрагирующей копии) предмета, ибо в отличие от знака (= чистого знака) образ, как такое подобие, с одной стороны, должен быть глубоко детерминирован миром вещей, с другой же (в отличие от органической или зеркальной копии), не может быть полностью или жестко детерминирован тем же миром: «Изображение движения мыслью есть всегда огрубление, омертвление, — и не только мыслью, но и ощущением, и не только движением, но и всякого понятия» [17, ср. 11, с. 4, 30, 158, 264; ср. 18, 19, 20, 21]. Наконец, также и о том, что мы называем ЗНОЗ, уже давно (по крайней мере, с 50-х годов XX в. [22]) говорят в научной литературе — не только как о богатстве всей опытной стороны сознания, не сводимого к сумме языковых единиц (В. З. Панфилов), но и как о «всем нашем запасе сведений о предмете» [23], «универсальном предметно-изобразительном коде» [24], «опытном богатстве знаний» [25] и т. п. Таким образом, ни положение о неполной детерминированности десигната, ни постулат ЗНОЗ не являются (сами по себе, в отдельности) у нас оригинальными, а предпринимаемая нами попытка «преодолеть» теорию множественности языков-сознаний не является единичной. Другое дело — на какой основе делается эта попытка. В этой связи важно стремление связать в одно целое проблемы языковой апперцепции, природы десигната, ЗНОЗ, феномены переводчи-

мости, речевой комбинаторики, контекста и коммуникации, рассмотрев все это заново уже во взаимосвязи, в составе какого-то целого.

В этом смысле, например, показательно, что при всей близости исходной позиции Маттио к нашей решение проблемы языковой апперцепции не ставится им в зависимость от природы десигната, и т. д. Между тем, аксиологичность такой зависимости уже начинает осознаваться в специальной литературе: «Создание языка как средства общения всегда связано с известной необходимостью препарирования окружающей действительности. Это не значит, что наше мышление, сознание перестает быть результатом отражения окружающего мира. Самое замечательное здесь то, что свойство отражения окружающей действительности не устраняется и в то же время препарация действительности... постоянно осуществляется» [11, с. 157—158]. Выше, кстати, мы как раз и пытались выяснить, через какие механизмы осуществляется это «самое замечательное» (в своей противоречивости восходящее, очевидно, к противоречивой природе десигната). Начинает ли также осознаваться в современной лингвистике не только сам ЗНОЗ, его важность для языка, но и его важность и место в общей модели коммуникации? Показательно, во всяком случае, что без ЗНОЗ (выделяемого в корреляции с «языковым опытом» под термином «внеязыковой опыт») не оказывается возможным обойтись при исследовании языка в качестве универсального кода [26, ср. 27].

ЛИТЕРАТУРА

1. Чесноков П. В. Неогумбольдтианство. — В кн.: Философские основы зарубежных направлений в языкознании. Под ред. Панфилова В. З. М., 1977, с. 15—16.
2. Васильев С. А. Философский анализ гипотезы лингвистической относительности. Киев, 1974.
3. Рамшвили Г. В. Вопросы энергетической теории языка. Тбилиси, 1979 с. 70 и сл. (на груз. яз.).
4. Гудман М. М. Лингвистическая теория Л. Вейсгерберга. — В кн.: Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. М., 1961.
5. Брутян Г. А. Язык и картина мира. — Научные доклады высшей школы. Философские науки, 1973, № 1.
6. Панфилов В. З. Философские проблемы языкознания. М., 1977.
7. Чесноков П. В. Слово и соответствующая ему единица мышления. М., 1967, с. 14.
8. Зыцарь Ю. В. Переводоведение и эвристика. — В кн.: Актуальные проблемы преподавания филологических дисциплин в высшей школе. Воронеж, 1979.
9. Zytar 'Yu. VI. Sobre el pasivo vasco. — In: Fontes Linguae Vasconum, 1978, № 28.
10. Mathiot M. An approach to the cognitive study of language. — IJAL, 1968, v. 34, № 1.
11. Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977, с. 310—311.
12. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография: Автореф. дис. на соискание уч. ст. докт. филол. наук. М., 1975, с. 44.
13. Naert P. Arbitraire et nécessaire en linguistique. — Studia linguistica, 1947, № 1, p. 10.
14. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1947 (Гл. VI «Природа языкового знака»).
15. Гальперин И. Р. Информативность единиц языка. М., 1974, с. 7—8.
16. Павлов В. П. Языковая способность человека как объект лингвистической науки. — В кн.: Теория речевой деятельности. М., 1968, с. 63.
17. Ленин В. И. Конспект книги Гегеля «Лекции по истории философии». — Полн. собр. соч., т. 29, с. 233.
18. Горский Д. П. Вопросы абстракции и образования понятий. М., 1961, с. 76.
19. Уваров Л. В. Образ, символ, знак. Минск, 1967.
20. Козлова М. С. Философия и язык. М., 1972.
21. Проблемы сознания. М., 1966.
22. Щедровицкий Г. П. Языковое мышление и его анализ. — ВЯ, 1957, № 1.
23. Качельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. М. — Л., 1965, с. 223.
24. Жинкин Н. И. О кодовых переходах во внутренней речи. — ВЯ, 1964, № 6.
25. Иванов Вяч. Вс. Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем. М., 1978.
26. Паузухи Р. В. К определению универсального кода. — ВЯ, 1969, № 5, с. 66.
27. Пиотровский Р. Г. Лингвистические аспекты искусственного разума. — ВЯ, 1981, № 3, с. 32.